

Евгений ДЕМЕНОК

Жванецкий

Вся проблема этого мира в том, что дураки и фанатики всегда уверены в себе, а умные люди полны сомнений.
Бертран Рассел.

Это удивительное свойство — знать о своем таланте и бесконечно сомневаться в нём.

Оно присуще только настоящим творцам. Сентябрь 2012-го. Михал Михалыч заканчивает очередной одесский сезон и уезжает на зиму в Москву. И, как обычно, прощальный вечер для друзей.

— Я читать сегодня не буду. Посидим, пообщаемся — и всё. Читать не буду.

— Михал Михалыч... Ну пожалуйста...
— Ладно, подумаю. А пока — давайте выпьем.

Конечно, он хочет читать. Конечно, он пригласил много нового.

Через две минуты:
— Ну что, вы готовы послушать?

Мы всегда готовы.
Он читает великолепные миниатюры об отце. Полные мудрости, грусти и нежности.

Мы зачарованно слушаем.
— Почему вы не смеетесь? Вам что, не смешно?

— Очень смешно, Михал Михалыч!
— Ну так смейтесь! Хлопайте!

Ему каждый раз важна реакция аудитории. Он каждый раз проверяет себя и сомневается.

— Неделю назад я читал в Клубе — так они не в тех местах смеялись! Лёня, что за гостей

ты приглашаешь в Клуб? Надо отбирать не по принципу уплаты взносов, а по наличию чувства юмора!

К Михал Михалычу подсаживаются гости:
— Миша, ты такой талант! Как у тебя получается так писать?

Он отвечает довольно:
— Я сам не понимаю, откуда это приходит.

Иногда напишу что-то и не перечитываю; смотрю через полгода — совершенно не помню, как писал. Как будто диктовал кто-то.

И всё же — каждый раз сомневается в себе. Чтения в Клубе — это отдельная история.

Два раза в год, поздней весной и ранней осенью, тридцать счастливых могут послушать новое. То, что Михал Михалыч написал совсем недавно — настолько недавно, что при чтении иногда сам с трудом разбирает написанное. Крупные буквы, но быстрый почерк...

Обычно за вечер он читает несколько раз. Сначала нехотая, и мы его уговариваем. Потом он уговаривает нас.

Все мы знаем этот сценарий. Мы хотим услышать — а он хочет прочесть.

И ещё он хочет, чтобы мы смеялись.
— Вам что, не смешно?

— Очень смешно, Михал Михалыч!
— Ну так смейтесь! Смейтесь!

Через несколько секунд после удачной фразы зал взрывается от хохота.

И тогда он победно вскидывает руку. Традиционный для новичка сценарий на та-

ких вечерах — попросить автограф на заранее купленной книге и сфотографироваться с мэтром.

После того как очередь желающих заканчивается и часть народа уходит, Михал Михалыч подходит к барной стойке, и Галина Ивановна наливает ему коньяк.

Иногда он остаётся совсем один. Это самые лучшие моменты. Моменты, когда можно поговорить по душам.

— Представляешь, Женя, я был недавно с концертом в Баку. Поселился в гостинице, готовлюсь. Я перед концертом не хожу никуда, не гуляю по городу и ни с кем не встречаюсь. Мне нужно сосредоточиться. После — пожалуйста.

И тут вдруг звонок:
— Алло, это Михаил Михайлович?

— Да.
— Вас беспокоят из администрации президента. Господин президент хочет с вами поговорить.

Ну что — я, конечно, соглашаюсь. Слышу в трубке голос Ильхама Алиева:

— Михаил Михайлович, здравствуйте! Я ваш давний поклонник и хотел бы пригласить вас сегодня на обед.

Я говорю, что перед концертом никуда не езжу.

— Не страшно! Тогда мы приедем к вам в гостиницу.

И они действительно приезжают к нам в гостиницу. Президент с женой. Жена — красавица. Накрывают сумасшедший стол. И он рассказывает мне, что любит меня с самого детства, что вырос он в Москве, где работал тогда его отец, и общался только на русском, азербайджанский выучил гораздо позже, когда они уже вернулись в Баку. Он цитирует меня постоянно. Он говорит:

— Я даже не мог себе представить такого! Я ужинаю с самим Михал Михалычем Жванецким!

Представляешь, Женя? Президент мне такое говорит!

Я представляю. Точнее, пытаюсь представить себе мысли обоих.

— Кто я? — думает Михал Михалыч. — Простой одесский пацан из обычной еврейской семьи. Окончил "водный", работал в порту... Да, у меня, наверное, талант. Пожалуй, точно талант. Я пишу смешные, иногда грустные вещи. Выступаю. Да, меня знают. Но мог ли я подумать, что ко мне в гостиницу придет сам президент?

— Кто я? — думает Алиев. — Да, сейчас я президент. Да, я из знаменитой семьи. У меня есть власть. Но это все преходяще. А талант вечен. Пройдет десять лет — будут ли помнить меня? Жванецкого точно будут.

— И чем все закончилось, Михал Михалыч? — спрашиваю я.

— Мы посидели часа четыре, а потом я попросил их уехать — мне нужно было готовиться к концерту. Ты же знаешь — я не могу в день концерта гулять, индого грустные вещи. Волнуюсь.

21 марта 2014-го — юбилейный концерт в одесской музкомедии.

Михал Михалычу восемьдесят.

Когда он выходит на сцену, весь зал аплодирует стоя.

— Как приятно выступать в родном городе! Там, где тебя понимают! И всё равно — волнуешь, как мальчишка! Каждый раз! Как-то залося бы — чего волноваться в моём-то возрасте? И всё равно: каждый раз — как мальчишка.

А что? Только дураки не сомневаются! Начинает читать.

Зал слушает, затаив дыхание. Потом взрывается от смеха.

Михал Михалыч победно вскидывает руку.

— Ну что, есть у меня талант? Риторический вопрос.

Михаил Михайлович, мы вас любим.

Дважды спасённая работа Давида Бурлюка

Те, кто живет в «старом» центре — счастливы. Каких только чудес не встретишь порой в старых квартирах — старинные картины на стенах, уникальные книги в библиотеках... Да что там в квартирах — иногда чудеса можно обнаружить... в мусорном контейнере. Или возле него.

Так случилось однажды на улице Конной с одной юной студенткой нашего художественного училища, в конце 80-х годов... Проходя мимо мусорных баков, она заметила, что в одном из них, прямо сверху, лежит папка, из которой выглядывают листы с рисунками. В папке оказались десятки листов графики художников ТЮРХа — Кириака Костанди, Тита Дворникова, Герасима Головкова, Владимира Заузе. И не только «южнорусских» — среди рисунков оказались листы работы Сандро Фазини, брата Ильфа, одного из активных участников Общества независимых. И — акварель Давида Бурлюка.

Работа Бурлюка привлекла внимание одной из последних — в послевоенное советское время это имя было не на слуху. Бурлюка знали в основном литературоведы — как друга Владимира Маяковского. А ведь в 30-е годы обладание такой работой могло стоить хозяину свободы — достаточно вспомнить судьбу работ художников русского авангарда, хранившихся в Одесском художественном музее; и судьбу самого директора музея Цви Савельевича Эмского-Могилевского, который был расстрелян в 1937-м. Работы Кандинского, Ларионова и других были попросту уничтожены — в эпоху восторжествовавшего соцреализма им не было места в советских музеях и коллекциях. Поэтому то, что акварель Давида Давидовича сохранилась в частной коллекции до конца 80-х, — маленькое чудо.

Второе чудо и спасение — то, что у мусорных баков именно в этот момент оказался художник. Страшно подумать, сколько шедевров погибло в нашем городе в годы революции и войны. Немало погибло и потом — из-за незнания, невнимательности, равнодушия... Но небольшая работа Бурлюка выжила. И это здорово.

Интересно, что легендарный одесский краевед и коллекционер Сергей Зенонович Луцкий знал о художнике и коллекционере, жившем на углу Пастера и Конной... Увы, то, что мы собираем всю жизнь, может иногда оказаться неинтересным и ненужным тем, кто идёт вслед за нами...

Пейзаж с деревьями, горами и морем — нередкий сюжет для Бурлюка, начиная с японского периода (1920 — 1922). Однако описываемая работа, скорее всего, является более ран-

ней — не позднее 1911 года, когда Давид Бурлюк окончил по II разряду живописное отделение художественного училища Одесского общества изящных искусств и получил столь необходимый диплом.

«...Зиму 1910 — 11 я и Володя учились в Одессе, где я получил диплом окончания Одесского художественного училища с правом быть учителем искусств в средних учебных заведениях. В России — без диплома — заработок денег был немислим», — эти его слова опубликованы в 55-м номере журнала «Color & Rhythme».

Позволю себе высказать предположение, что эта акварель написана в Одессе во второй период учёбы Давида Давидовича в Одесском художественном училище — в 1910 — 1911 годах. Это предположение вызвано не только стилистикой работы, но и подписью — D. Burliuk. Давид Давидович крайне редко ставил начальную букву имени перед своей фамилией. Подавляющее большинство работ подписано просто — Burliuk. Именно латиницей, причём с самого раннего периода его творчества. Подписи кириллицей встречаются редко. В случае с описываемой работой буква «D.» в начале подписи могла быть поставлена для того, чтобы отличить работу Давида от работ младшего брата — Владимира, который также учился в Одесском художественном училище в этот период. До нас дошло очень мало работ Владимира, на дошедших подписи также встречаются на латинице или как инициалы «В. Б.».

Работы Давида и Владимира Бурлюков представлялись в Одессе многократно — сначала на XVII и XVIII выставках ТЮРХа, состоявшихся соответственно осенью 1906 и 1907 годов, затем в обоих «Салонах» Владимира Издебского. При этом во втором «Салоне», прошедшем с 6 февраля по 3 апреля 1911 года — как раз во время учёбы Бурлюков в Одессе, было выставлено 26 работ Давида Давидовича, 12 работ Владимира Давидовича, пять работ их матери Людмилы Иосифовны Михневич и даже детские двенадцатилетней Надежды Бурлюк. При этом многие из выставленных работ Давида Бурлюка были датированы более ранними годами (1905 — 1909 годы) и выполнены в реалистической манере.

Лоэнгрин [П.Т. Герцо-Виноградский] в своей заметке «Зигзаги» («Одесские новости», 05.02.1918 г.) писал: «Много протестов, вероятно, вызовут гг. Бурлюки. <...> Весьма умно сделали устроители «Салона», выставив в комнате одного из Бурлюков некоторые его вещи, написанные с прежней манерой». Сергей Зенонович Луцкий в своей книге «Одесские «Са-

лоны Издебского» и их создатель» пишет о том, что состав коллекции работ Давида Бурлюка во втором «Салоне» становится понятным, если учесть, что Бурлюк приехал в Одессу получить диплом и был принят сразу в пятый художественный класс. Были представлены произведения разных лет с датировкой каждой картины, что не практиковалось ранее в «Салонах». «Фактически — персональная выставка к экзаменам!» — пишет С.З. Луцкий.

Бурлюк был одним из самых «продаваемых» авторов второго «Салона». 26.02.1911 г. «Одесские новости» писали: «Несмотря на явное недружелюбие, питаемое большой публикой к новому искусству, картины левых художников, выставленные в «Салоне», очень бойко продаются». Среди приобретённых названы в том числе 9 работ Давида Бурлюка. «Распроданы почти все картины Давида Бурлюка», — писал «Одесский листок» 11 марта 1911 года.

Бурлюк пробовал себя в совершенно разных жанрах — от реализма через импрессионизм, пуантилизм, экспрессионизм и кубизм к футуризму. Удивительно, но в один и тот же период Давид Давидович создавал стилистически совершенно разные работы. Понятно, что ранние

работы были выполнены в реалистической манере, однако и в 1910 — 11 годах, когда Бурлюк стал уже одним из лидеров русского авангарда, он, тем не менее, продолжал писать реалистические этюды Днепра. Обо всём этом можно прочесть в его воспоминаниях — коих, к счастью, достаточно. Вот что пишет он в своих «Фрагментах из воспоминаний футуриста»:

«<...> гораздо более радикальным между тем оказалось лето 1910 года. Здесь уже были написаны неоимпрессионистические этюды Днепра. К нам приезжали и работали с нами некоторое время Михаил Фёдорович Ларионов, а затем Лентулов. <...> Подобная работа воспроизведена в «Голубом всаднике» Кандинского. У нас в Одессе осенью, Преображенская, 9, был проездом Василий Васильевич Кандинский, и мы отныне стали его соратниками в проповеди нового искусства в Германии».

Этюды Днепра... Наша работа не похожа на этюды Днепра, скорее, это — фантазия художника, воображаемый пейзаж со старинной крепостью на далёком холме... Такие сюжеты характерны и для раннего американского периода, но как могла попасть она в Одессу, если сам Бурлюк в нашем городе после 1914 года не был? И бумага, на которую сейчас наклеена работа, явно дореволюционного производства. Неизвестный коллекционер берёт акварель Бурлюка более семидесяти лет, сохранил её от уничтожения... И я не ошибусь, если назову её спасение маленьким чудом.

